

INITIATION INTO THE MYSTERIES. A COLLECTION OF STUDIES IN RELIGION, PHILOSOPHY AND THE ARTS, ed. by Anikó Daróczi, Enikő Sepsi, Miklós Vassányi, Budapest, Paris: Károli Gáspár University of the Reformed Church in Hungary L'Harmattan Publishing, Éditions L'Harmattan 2020, pp. 363.

Понятие инициации в мистериях, являющееся в данном случае также заглавием книги, подразумевает двойную трансформацию экзистенциального положения иницианта.

Причем само экзистенциальное положение можно здесь рассматривать как широко понятый культурологический аспект, вскрывающий одновременно несколько принципиальных статусов посвящаемого: религиозный, социальный, психологический и т. д.¹. Упомянутая двойная трансформация включает в себе ситуацию своеобразного вхождения в обусловленную семантическую сферу. Таким действием становится в данном случае приобретение понятийных инструментов, приспособляющих реципиента к соответственному прочтению текстов о мистериях и в дальнейшем употребление полученных знаний в активном инициативном действии самих мистерий на иницианта. Представленная к рецензии книга относится к первому этапу рассмотрения возможной трансформации, практический аспект подобранных в ней текстов не подлежит исследованию. Очевидным является подчеркнутый выше этап преобразования иницианта зависящий от введения его во взаимодействующее с этим терминологическое поле, которое становится для него залогом понимания самой трансформации.

Итак, авторы помещенных в сборнике статей дают нам возможность соприкоснуться с кругом понятий, связанных с преобразованием мышления, переступающим порог очевидного. Сам познавательный путь хотелось бы начать нестандартно с последней трети публикации *Arts and Literature*. Польские русисты найдут интересными два текста известных венгерских исследователей. Дьёрдь Золтан Йожа (György Zoltán Józsa) опубликовал статью *Initiation Drama in Russian Symbolism*, а Лена Силард (Léna Szilárd) предложила тему *The Development of the Genre of the Initiation Novel in 20th-century Russian Literature – Mikhail Bulgakov's "The Master and Margarita"*. Оба текста расширяют модернистский дискурс о Серебряном веке и дифференцируют авторское прочтение понятия инициации. Дьёрдь Золтан Йожа пишет о интерпретационных кодах произведений *Роза и Крест* Александра Блока, а также *Пифагорейцы* Валерия

¹ См. М. Элиаде, *Тайные общества, обряды инициации и посвящения*, пер. не указ., Москва, Санкт-Петербург 1999.

Брюсова. Их познавательный контекст автор сопоставляет с реконструкцией античных источников литературных функции, к которым относятся образцы религиозного сознания. Лена Силард пополняет круг исследователей, обосновывающих творчество Михаила Булгакова как «мистического писателя»². Автор имплицитно здесь жанровое понятие романа-посвящения и на этой основе детально раскрывает этапы пути инициации Ивана Бездомного (Поньрева) по схеме: *via purgativa, via illuminativa, via unitiva*.

Пародийный контекст вписанного в текст посвящения в творчестве Фланнери О'Коннор рассматривает статья Каталин Г. Каллаи (Katalin G. Kállay). Анита Ракочи (Anita Rákóczy) по следам произведений Сэмюэла Беккета составляет структуру инициации – воплощения Бога. Эникё Шепши (Enikő Sepsi) раскрывает тайну идеи кенозис на примере творчества французско-швейцарского драматурга Валер Новарина. Рассмотрению познания «недостижимого Святого Абсолюта» в идейной основе мысли Янри Энроота посвящает свою статью Йоханна Домокош (Johanna Domokos). Третью часть сборника завершает текст об эстетике молчания в поэзии Дьёрдя Ронаи. Темой этой занялась Мелинда Шебёк (Melinda Sebők).

Все перечисленные статьи замечательно вписываются в тематический канон польских и западных исследователей, вот уже более десятка лет публикующих свои тексты на страницах сборников из серии *Свет и темнота (Światło i ciemność)*³. Именно так составляются этапы «научного посвящения» в одну из самых объемистых тем культурного канона – инициации.

Вторая часть сборника *Philosophy* сосредоточена на раскрытии перспективы текстов культуры, определенных здесь философской основой инициации.

«Подобно тому, как не любое тело, но [только] совершенное, участвует в душе, так и не любая душа, но [только] совершенная, участвует в уме; и все они участвуют в едином», – конспектирует в своих девятистах тезисах Пико делла Мирандола слова Прокла⁴. К неоплатонику обращается Герда Ван Риель (Gerda Van Riel) со статьей *Mysticism and Rationality. A Neoplatonic Perspective*. Прокла и Дамаского принято считать мистиками. Однако предложенный читателю текст настаивает на том, что мистическая перспектива в данном случае является результатом рационального проекта. Приведенное Мирандолой высказывание Прокла как раз и расширяет понятийный объем термина мистицизм, который расплылся в сознании реципиентов в своеобразное фантазмагорическое

² М.А. Булгаков, *Правительству СССР*, [в:] Его же, *Собрание сочинений. В пяти томах*, т. 5, Москва 1992, с. 446.

³ Серия семи томов *Światło i ciemność* издающихся в Гданьске с 2001 года. А также две дополнительные серии: *Biblioteka: Światło i ciemność*, в рамках которой публикуются монографии и *Polskie tradycje ezoteryczne 1890-1939 (Polish Esoteric Traditions 1890-1939)*.

⁴ Пико делла Мирандола, *Суждение по Проклу*, [в:] он же, *Девятьсот тезисов. Тезисы 1-400. Четыреста суждений по учениям халдеев, арабов, евреев, греков, египтян и по мнениям латинян*, пер. Н.Н. Соколовой, Н.В. Миронова, Санкт-Петербург 2010, с. 121.

облако. Рамки внерационального мистицизма Уильяма Джеймса уже давно наполнились общим осознанием возможности изменения такого состояния и перенесения пассивного восприятия в активное воображение. Древнегреческая форма философии, как доказала Ханна Арендт⁵, может привести к похожему результату.

В ту же сторону направлен и следующий текст в этой части сборника авторства Миклоша Вашшаньи (Miklós Vassányi), показывающий как рассуждения Псевдо-Дионисия Ареопагиты в *De divinis nominibus* становятся своеобразным интеллектуальным посвящением в тайну Бога:

Подобные формулировки можно найти во многих текстах эпохи, и утверждения Аргиропулоса и Фичино особенно важны для доктринальной ситуации в итальянском *Quattrocento*. Аргиропулос, критикуя александризм и аверроизм, противопоставляет их *veritas fidei nostrae*, что и приводит к успешному распространению «платонического богословия» Фичино. Он в предисловии к переводу *Эннеад* Плотина пишет слова, которые можно рассматривать как программу платонизма того времени, провозгласившую, что только крайний спиритизм платонизма способен эффективно защищать христианскую веру, которой смертельно угрожали обе конкурирующие модели аристотелизма,

– констатировал Стефан Свежавски⁶. Итак, мы передвигаемся по временной параллели и неоплатонизм обретает формы итальянского Ренессанса. Моника Фразер-Имрег (Monika Frazer-Imregh) пишет о реально действующей системе Пико делла Мирандолы, позволяющей на разумное проникновение в божественные тайны. Антонио даль'Игна (Antonio dall'Igna) аргументирует, что мистицизм Джордано Бруно является своеобразным видом инициации, соединяющим воедино знание и волю.

Статья Мартина Мурса (Martin Moors) *Which Initiation does not Lead Astray from the True Mysteries? The Later Schelling's Quest for a True Method Compared with the Pre-critical and Critical Kant* переносит нас во времена немецкого идеализма. Автор резюмирует, что только позитивная философия Шеллинга может помочь ищущим осознать тайны существования и бытия.

Текст Оршойи Хорват (Orsolya Horvath) посвящен рефлексивной проекции мышления Сартра о медитациях Кьеркегора. Вторую часть сборника завершает статья Кейт Ларсон (Kate Larson) о мистическом прочтении Платона в работах Симоны Вейль.

Наконец оказываемся в первой части *Initiation into the Mysteries – Religion and Spirituality*. Передвижение в обратную сторону по магистрали мысли не является особо редким случаем в системе кодовых знаков семантического поля, названного нами инициацией. Все то, что не продумано, не пережито, не осмысленно,

⁵ Х. Арендт, *Жизнь ума*, пер. А.В. Говорунов, Санкт-Петербург 2013.

⁶ S. Świeżawski, *Dzieje filozofii europejskiej XV wieku. Człowiek*, t. 6, Warszawa 1983, s. 21. [перевод – D. O.]

и не подлежало воспоминанию, не принимает участия в трансформации экзистенциального положения иницианта. Части и этапы могут меняться или модифицироваться, а их поочередное восприятие зависит от реципиента.

О такой изменяющейся системе восприятия пишет Эндре Адам Хамваш (Endre Ádám Hamvas). Речь здесь идет о том, что в первой половине 20 века Ричард Рейценштейн дал указания, что герметические тексты можно интерпретировать в ритуальном религиозном контексте, уходящем корнями в эллинистические египетские религиозные формы мышления, разработанные в рамках соответственных религиозных организаций. Штефен Фройнд (Stefan Freund) исследует диалоги *Ad Donatum* Киприана Карфагенского как «Christian mystagogic protrepticus». Историк и археолог Жужанна Турчан-Тот (Zsuzsanna Turcsán-Tóth) в своей статье, посвященной исследованию статуи Артемиды Эфесской, предлагает интересный интерпретационный поворот, направляющий изыскания к книге Порфирия *De antro nympharum*.

Филип Дорошевски (Filip Doroszewski) штудирует семантическое поле термина *στυγα* в произведениях греческих христианских писателей 4-5 веков. Иштван Пастори-Купан (István Pásztori-Kupán) приводит слова Феодорита Кирского о том, что любому знанию, включая и посвящение в мистерии, должна предшествовать вера. Посвящение здесь понимается широко, как своеобразное вхождение в меандры искусства, науки или знания, включая духовные или религиозные тайны. Адепт в таком случае должен проявлять не только интерес к происходящему, но и веру в себя как иницианта, а также в тайну, которую он намеревается постичь. Анна Юдит Тот (Anna Judit Tóth) присматривается к тексту *De mensibus* Иоанна Лида, в котором Дионис наделен двумя энигматическими эпитетами Dimetor и Dithyrambus. В следующем тексте сборника оказывается, что в древнеисландских произведениях нет надлежащих сообщений о мистериях. Вилмош Воигт (Vilmos Voigt) в своей статье *A Mystery among the Mysteries: Are there Old Icelandic mysteries?* исследует это удивительное отсутствие. Анико Дароци (Anikó Daróczy) дает фрагментарный обзор писем мистической писательницы Хадевейх (13 век). Узнаем, что для избранных читателей возможно «инициальное» прочтение этого эпистолярия. Дьёрдь Э. Сёньи (György E. Szönyi) обращается к кабалистическому мистицизму и припоминает историю итальянского поэта и философа Людовика Лаццарелли. Раздел завершает статья Жужанны Кёви, Левенте Фогарашши, Жужанны Мирнич, Анны Мершдорф, Золтана Вашша (Zsuzsanna Kövi, Levente Fogarassy, Zsuzsanna Mirnics, Anna Mersdorf, Zoltán Vass), анализирующих психологическую (т.е. духовную) основу опыта единения с природой в *adventure therapy*. Посвящение как таковое здесь не выступает.

Из сего обзора видно, что тема инициации представлена в сборнике очень широко и была исследована авторами статей во многих, часто принципиально отличающихся от себя интерпретационных сферах. Собрать воедино тематический веер помогает вступление к публикации, в котором имеется историческая хронология затронутых областей мышления и восприятия. Однако, прочитав

сборник полностью, становится понятно, что во вступление следовало бы ввести своеобразный терминологический обзор, выясняя отличие между пассивной и активной инициацией, что дало бы соответствующую перспективу для понимания в дальнейшем терминов мистического и имагинационного опытов. Сталкиваемся с этим хотя бы в статьях *Mysticism and Rationality. A Neoplatonic Perspective* и *Transcending Transcendence: The Mystery of God in Part 4 of St Denys the Areopagite's «On the Divine Names»*. Несмотря на эту небольшую оплошность, публикация читается с интересом и во многих темах указывает на новые интерпретационные акценты.

Diana Oboleńska
Uniwersytet Gdański